

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
КОМИ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

ВОСЬМОЙ
МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КОНГРЕСС
ФИННО-УГРОВЕДОВ

НАУЧНЫЕ ДОКЛАДЫ

Д.А.Несанелис, В.Э.Шарапов

ТЕМА СМЕРТИ
В ТРАДИЦИОННЫХ ДЕТСКИХ
ИГРАХ КОМИ

СЫКТЫВКАР 1995

Российская академия наук
Уральское отделение
Коми научный центр

Научные доклады
Выпуск 356

Д.А.Несанелис, В.Э.Шарапов

**ТЕМА СМЕРТИ В ТРАДИЦИОННЫХ
ДЕТСКИХ ИГРАХ КОМИ**

Доклад на заседании президиума
Коми научного центра
УрО Российской академии наук

Сыктывкар 1995

Д.А.Несанелис, В.Э.Шарапов. **ТЕМА СМЕРТИ В ТРАДИЦИОННЫХ ДЕТСКИХ ИГРАХ КОМИ.** — Сыктывкар, 1995. — 24 с. (Научные доклады/ Коми научный центр УрО Российской академии наук; Вып. 356).

Рассматриваются некоторые старинные игры в контексте традиционных представлений коми о ритуальном статусе детей. Значительное внимание уделяется анализу символики традиционных детских кукол. Работа рекомендуется к печати Советом молодых ученых Коми научного центра УрО Российской АН по результатам конкурса работ молодых ученых.

D.A.Nesanelis, V.E.Sharapov. **THE THEME OF DEATH IN TRADITIONAL GAMES OF KOMI CHILDREN.** — Syktyvkar, 1995. — Pp. 24. (Scientific Reports / Komi Science Centre, Ural Division, Academy of Sciences of Russia; Issue 356).

This article analysis the reflection of the traditional world view and notions of the world of the dead in some arhaic games of Komi children. Much attention has been given to stude of ritual status of children. This article is recommended for publish by Young scholars society of Komi science centre of the Russian Academy of Sciences.

Редакционная коллегия

М.П.Рощевский (отв. редактор), Н.И.Тимонин (зам. отв. редактора), Э.Н.Новожилова (отв. секретарь), А.Е.Ванеев, В.А.Головко, Н.А.Громов, В.А.Ледеев, А.В.Кучин, Н.А.Манов, А.Д.Напалков, В.П.Подоплелов, Э.А.Савельева, А.И.Таскаев, М.В.Фишман, Н.П.Юшкин

ВВЕДЕНИЕ

"Моей кукле приснилось, что я умерла..."

В эпиграф статьи вынесены слова, произнесенные четырехлетней девочкой после неожиданного пробуждения от кошмарных сновидений. На первый взгляд содержание этого высказывания граничит с абсурдом. Однако в свете гипотезы Ю.М.Лотмана о сне, как "резерве семиотической неопределенности" [8, с.226], слова девочки могут быть восприняты как текст, свидетельствующий об определенном рубеже в становлении духовного мира ребенка. В таком случае слова ребенка приобретают оттенок утонченной поэтической метафоры. Показательно, что прикосновение к тайне смерти через осознание возможности собственного земного небытия в данном случае неразрывно связано с "опытом мерцания между первым и третьим лицом", который, можно думать, характерен и для атмосферы детской игры.

В исследованиях по детской психологии и психологии творчества высказывалось предположение о внутреннем сходстве логики сновидений и детской игры. По словам М.Волошина, "игра и есть то бессознательное прохождение через все первичные ступени развития человеческого духа, то состояние глубокой грезы, подобные сновидению, из которого медленно и болезненно высвобождается дневное сознание реального мира" [1, с.496]. Одной из этих ступеней, возможно, является формирование в игре установок в отношении к смерти. Весьма актуальными в рассматриваемом контексте представляются слова И.С. Кона о том, что в игре "формируются... общие навыки социального поведения, основополагающая система ценностей, ориентация на групповые или индивидуальные действия. Изучение детской игры бросает свет на самые общие ценностные ориентации культуры и тенденции ее развития [7, с.45]. Науке и религиозной философии нашего столетия знакомы разнообразные опыты обращения к теме смерти. Изучение эволюции восприятия смерти евро-

пейским менталитетом связано, прежде всего, с именем выдающегося французского историка Филиппа Арьеса. Известный отечественный медиевист А.Я.Гуревич отмечал, что Арьес "создал несколько первоклассных исторических исследований, тематика которых сосредоточена на полюсах человеческой жизни, – с одной стороны, это труды, посвященные детству, ребенку... с другой – труды о восприятии смерти на Западе на протяжении всей христианской эпохи" [2, с.234].

В предлагаемой работе соотношение "полюсов человеческой жизни" рассматривается преимущественно в этнографическом и психологическом аспектах с целью выявления в пределах традиционной культуры коми детских установок в отношении смерти и их восприятие взрослыми. Анализ этих сюжетов важен как для понимания фундаментальных ценностей традиционной культуры, так и для выявления механизмов ее трансляции из поколения в поколение.

Фотографии к препринту выполнены В.Э.Шараповым.

ИГРЫ СО "СМЕРТЬЮ" В КОНТЕКСТЕ ТРАДИЦИОННОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

В одном из недавних исследований по социальной педагогике отмечалось, что в пределах традиционного сельского пространства дети всегда имели для игр "свою автономную территорию во дворе, в доме, на улице". Вместе с тем подчеркивается, что "улица лишь казалась безнадзорной, взрослые (особенно бабушки, дедушки на завалинках, скамеечках у крыльца) всегда контролировали ситуацию" [18, с.27]. Последнее утверждение не лишено известных оснований. Очевидно, однако, что "цензура коллектива" могла осуществляться отнюдь не столь явно, жестко и прямолинейно. В пользу этого допущения свидетельствуют, в частности, этнографические данные об играх коми детей, связанных прямо или косвенно с темой смерти.

Описание одной из игр, имеющих отношение к обсуждаемой теме, принадлежит известному этнографу В.П.Налимову. Оно относится к началу XX в. "Летом дети часто роют ямочку в земле около наружных углов избы и играют в похороны. Это предвещает смерть кому-нибудь из членов того дома, около угла которого рыли дети ямочки. Я смог лично наблюдать ужас взрослых в деревне Седьяков (часть села Выльгорт), узнавши, что маленькие ребята рыли около их дома ямочки и играли в похороны" [12, л.149]. Такое описание абсолютно не оставляет сомнений в том, что игра в похороны разыгрывалась детьми в отсутствие взрослых.

Отметим, что негативное отношение взрослых к детским играм

”со смертью” характерно и для современной культуры. Авторам статьи известен случай, когда мать ребенка пришла в ужас от одной из подобных забав своего пятилетнего сына. Перебирая старые газеты, он вырезал из них некрологи (позже выяснилось, ребенок готовил себе талоны для игры ”в магазин”). Если в современной культуре такие игры детей, как правило, оцениваются как некоторое отклонение в развитии личности ребенка, то в традиционной культуре акцент делался скорее не на ”психологии” игры, а на ее ”социологии”. Показательно в этом плане мнение одного из пожилых информантов: ”...какая жизнь у взрослых – такие и игры у детей”.

Достоверность описания В.П.Налимова вполне подтверждается экспедиционными материалами, полученными авторами не только в сысольских (Выльгорт), но и в вычегодских (Керчемья, Дон) и удорских селах (Важгорт, Латьюга). В этих селениях девочки и мальчики хоронили в земле тряпичную куклу, для которой изготовлялся миниатюрный гроб-колода. Похороны сопровождалось исполнением фрагментов плачей, заимствованных из репертуара взрослых. Дети хоронили кукол на окраине деревни, в лесу или другом укромном месте, что избавляло играющих от присутствия взрослых.

В традиционном обществе детское игровое поведение могло восприниматься как намек на возможные изменения в жизни всего социума, отдельной семьи или самих играющих детей. Об этом свидетельствует целый комплекс поверий коми о детских играх: ”если дети играют в похороны и закапывают с причитаниями кукол на углу чьего-либо дома – значит, в этом доме скоро кто-то умрет”, ”если дети роют в прибрежном песке ”колодец” – значит, скоро будет утопленник¹”, ”если дети играют в свадьбу – значит, в деревне скоро будет свадьба” и др. Любопытно, что иногда усердие детей, моделировавших семейно-бытовой уклад, вызывало у взрослых реакцию, свидетельствующую о том, что они относились к занятиям детей не вполне как к игре. Один из случаев, подтверждающих это, имел место в с.Керчемья Усть-Куломского района в начале 20-х гг., где в то время едва ли не каждая девочка имела свой деревянный домик, соорудившийся для игр во дворе или под крыльцом настоящего жилища. Хозяйка одного из них была известной среди деревенской детворы мастерицей по изготовлению кукол и одежды для них. Многие подружки обращались к ней с просьбой помочь им сшить ”кукол-дочерей”. Выполняя эти просьбы, девочка одновременно с благодарностью сверстниц заслужила резкие упреки матери, говорившей

¹ Из полевых материалов Ю.Г.Рочева по Прилузскому району Республики Коми.

ей с осуждением: "Всем раздаешь, смотри, не будет у тебя семейной жизни"[14, с.123]. По повериям многих народов Севера игры девочек с тряпичными куклами влияли на их будущее семейное счастье и плодovitость [15, с.122]. В этом отношении игры сближаются с гаданиями: так, например, согласно одному из святочных гаданий коми считалось, что если девушка достанет из-под перевернутого горшка куклу, то в этом году ей предстоит родить ребенка. Не удивительно поэтому, что в определенные периоды календарного цикла взрослые специально наблюдали за детьми, надеясь уловить в их действиях предсказание будущего.

О РИТУАЛЬНОМ СТАТУСЕ ДЕТЕЙ

Н.И.Дукарт, изучавшая святочные обряды коми, описала интересное гадание с участием детей, приуроченное к Васильеву дню. "Поздно вечером, в канун Васильева дня, они искали на полу зерно, и если находили его, то считалось, что год будет урожайным, в противном случае – неурожайным" [4, с.100]. Пространственно-временная организация святочных гаданий способствовала актуализации представлений о противопоставлении чужого и своего, мира предков и мира живых. Особое значение эти оппозиции приобретали на стыке старого и нового года. Поэтому участие детей в гадании именно на Васильев день (первое января старого стиля) оказывается важным аргументом в пользу идеи о том, что дети, по народным представлениям, могли вступать в контакт с предками легко и непринужденно.

Эта идея отразилась в некоторых коми быличках, повествующих, что дети, унесенные нечистой силой, попадают на время в страну усопших предков. Возвращаясь домой, дети – герои быличек, рассказывают, что "были все это время у родных", "ели – пили за праздничным столом" или "катались с родственниками на санях" (ср.: отождествление в русских народных верованиях понятий "праздник" и "безвременье", "смерть", выявленное на основании анализа значительного этнолингвистического материала Т.А.Бернштам). Взрослых же героев подобных быличек нечистая сила, как правило, таскает несколько дней по реке (т.е. по символической границе между мирами, которая, что особенно важно, остается все-таки непреодоленной) и затем выбрасывает на берег в нескольких километрах от селения.

Излагаемые идеи, можно думать, отчасти перекликаются с известными строками О.Э.Мандельштама:

О, как мы любим лицемерить
И забываем без труда
То, что мы в детстве ближе к смерти
Чем в наши зрелые года.

Представления об особой связи детей с загробным миром отчетливо проявляется в типологически сопоставимом хантыйском космогоническом предании, в котором Светлый Отец (демиург) рассуждает о строении мира: "Мертвый мир я изначально предписал... если его не предписать, где тогда поместятся подрастающие девочки и подрастающие мальчики?.." [11, С.291].

Анализируя ритуальный статус детей, известный знаток народной культуры коми В.П.Налимов отмечал, что дети и старики часто рассматриваются сельским миром в качестве сильных и умелых лекарей, способных помочь тяжелобольным людям [13, с.21]. Интересно, что если в качестве лекаря приглашали старуху, то предпочтение, согласно Налимову, отдавали женщине, живущей за ручьем или рекой. В этом предписании, акцентирующем тему реки как мифологической границы, проявились верования о связи знахарей с предками, в мире которых, как предполагалось, находились опыт и мудрость. Учитывая это, символическое сближение таких возрастных категорий как "дети" и "старики" представляется весьма выразительным.

Следует подчеркнуть, что иногда целительные способности детей оценивают даже выше стариковских. В.П.Налимов полагал, что такая иерархия построена на категориях достижения половой зрелости и утраты сексуальной активности. Если старики уже не вступали в половые контакты, то дети еще не достигли соответствующего рубежа [13, с.21]. Это наблюдение согласуется с данными А.С.Сидорова, по которым коми крестьяне во время отхожих промыслов заболевших лечили мочей подростка, "еще не знавшего женщин" [17, с.91].

Вероятно, символическая "бесполость" определенным образом ассоциировалась как с понятием "ритуальной чистоты", так и с предполагаемым характером загробной жизни.

"БЕЗЛИКОСТЬ" ТРАДИЦИОННЫХ ДЕТСКИХ КУКОЛ

В рассматриваемом контексте закономерным представляется тот факт, что любой предмет, включенный в сферу детской игры получал в восприятии взрослых высокий семиотический статус. Особый интерес в плане рассматриваемой темы вызывают детские куклы,

которые являются метафорой "двойничества" и антитезы "жизнь – смерть" [9, с.36-37].

У каждой девочки количество кукол в игрушечной семье, как правило, соответствовало числу членов реальной семьи ребенка. Пол кукол обозначался посредством покроя и символики одежды. Родители, наблюдая за изготовлением девочками тряпичных кукол, а нередко участвуя в этом процессе и в самой игре, строго следили за соблюдением ряда запретов:

а) кукол шили только из обрывков новой ткани. При этом ни в коем случае нельзя было использовать целую младенческую одежду (пеленку, распашонку и т.д.). По повериям коми одежда, "пропитанная запахом живого человека", является его вуджором (тенью) и может быть использована колдуном для порчи этого человека;

б) лицо кукол обозначалось белым либо светлым фоном, или разноцветными полосками ткани. При этом, как правило, черты лица не детализировались (фото 1-7). Показательно поверие коми-пермяков: если дети будут играть куклами с глазами, то могут сами ослепнуть¹;

в) куклам никогда не давали собственные имена членов семьи, что, вероятно, было обусловлено стремлением обезопасить живых людей от установления возможной (символической) связи с "судьбой" игрушечного "двойника" и тем самым исключить возможность сглаза и порчи.

За подобными предписаниями угадываются представления о "мертвенной природе" кукол. С этой идеей согласуются данные об игре в похороны, зафиксированной в с.Летка Прилузского района. В игре принимали участие девочки 12-14 лет. Они вырезали из крупной картофелины антропоморфную фигурку, на лице которой обозначали глаза, уши, нос и рот. Из травы делали волосы и прикрепляли их к голове. Картофельного человечка хоронили в неглубокой ямке, над которой затем насыпали невысокий холмик. На вершине холма устанавливали крест, сделанный из щепок. В приведенном описании обращает на себя внимание упоминание о чертах лица картофельного человечка. Известно, что в традиционных культурах многих народов Севера и Сибири соблюдали запрет на обозначение у кукол рта, носа, глаз и ушей. Считалось, что изображение этих черт лица может сделать куклу опасной для человека [19, с.120]. По повериям коми кукла, изображающая живого человека может быть использована в колдовской магии: если закопать такую куклу в землю, то

¹Л.С.Грибова. Материалы по духовной культуре коми-пермяков // Архив КНЦ, фонд 11, оп.1, д.54, л.96.

Рис.1. Реконструкция традиционной соломенной куклы (коми-пермяки).

Рис.2. Традиционная тряпичная кукла (коми).

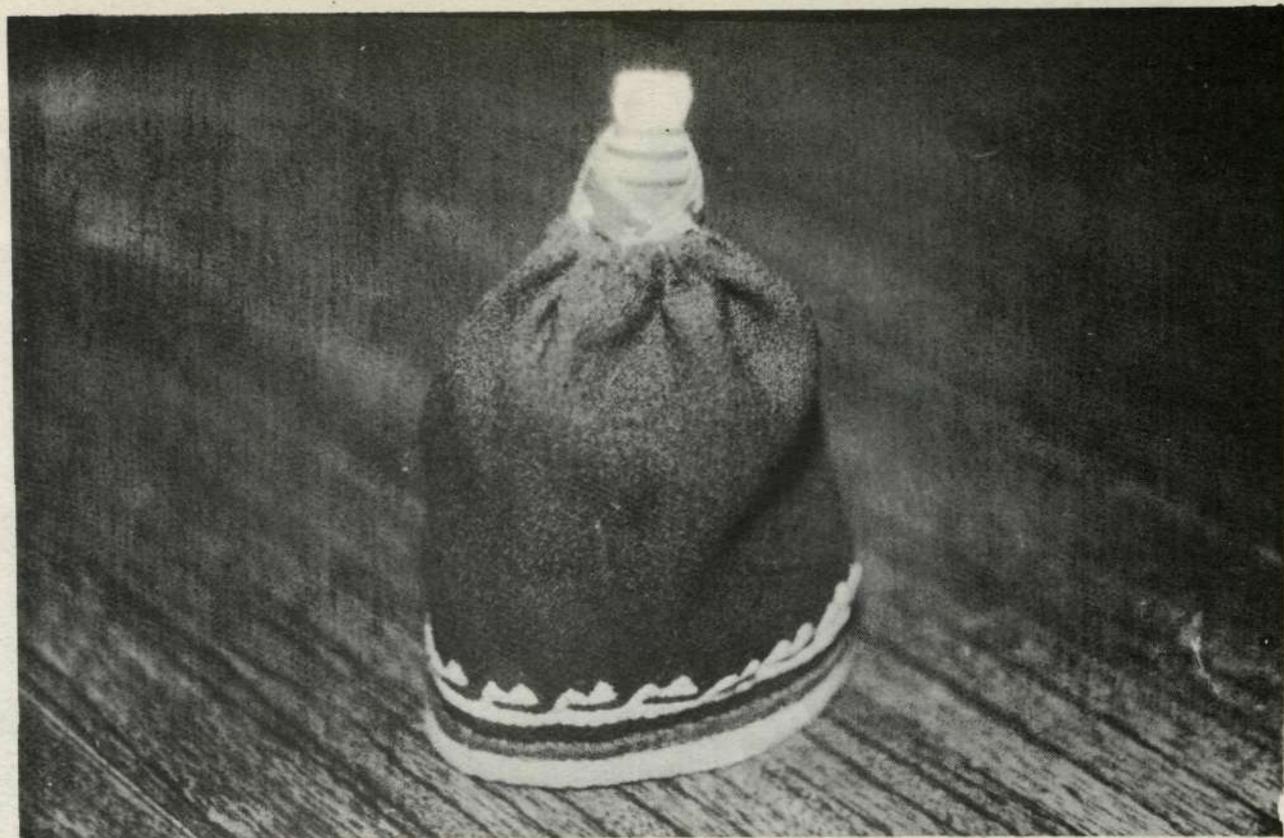

Рис.3. Традиционная тряпичная кукла (манси).

Рис.4. Традиционная кукла из оленьего меха (ханты).

Рис.5. Традиционная кукла из утиного клюва (коми).

Рис.6. Традиционная тряпичная кукла (коми). Фото с экспозиции Национального краеведческого музея Республики Коми.

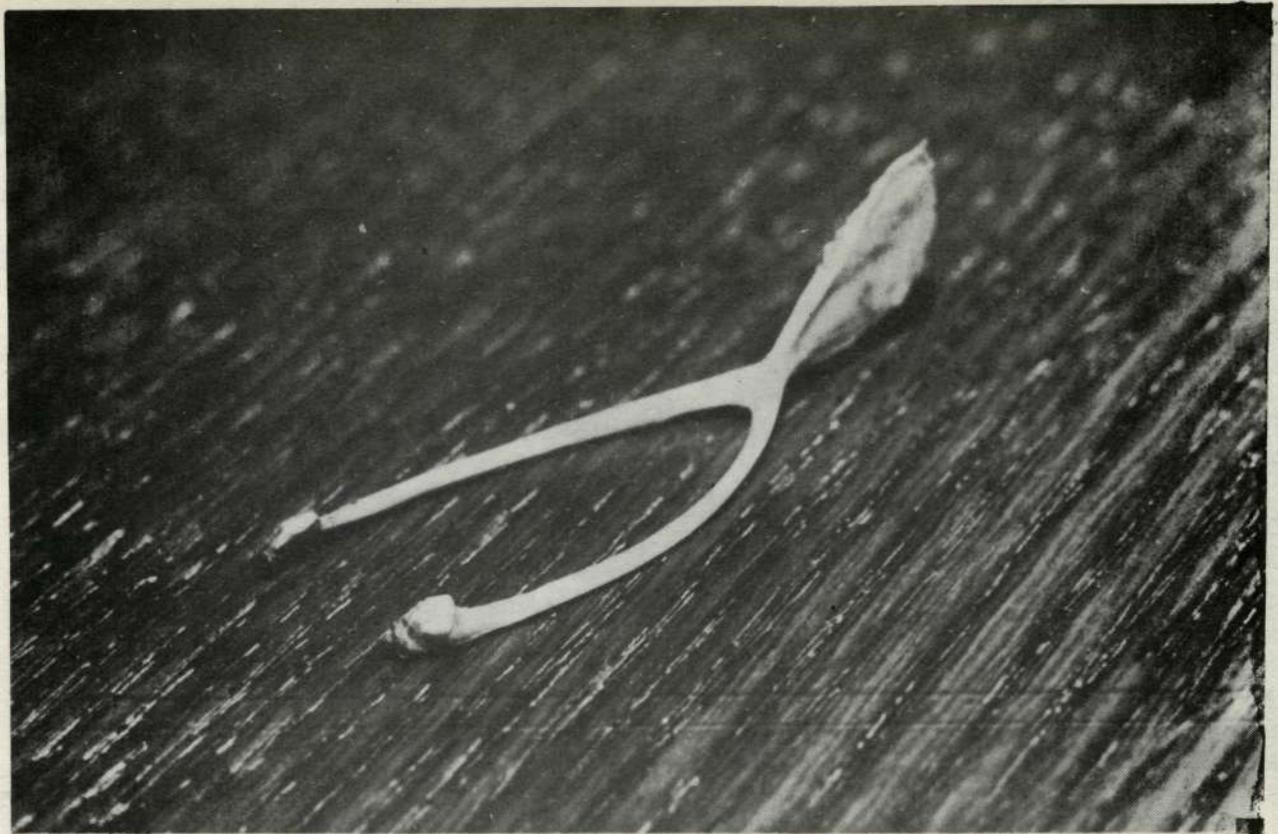

Рис.7. "МОРТ" (человек) – традиционная игрушка из птичьей кости (коми).

неминуемая болезнь или даже гибель грозят ее двойнику [16, с.55].

Авторами статьи был проведен любопытный эксперимент, косвенно связанный с обсуждаемой темой. Четырехлетней девочке Насте было предложено нарисовать мертвого человека. Настя изобразила его в соответствии со схемой, используемой ею для контурного обозначения на бумаге кукол: туловище без рук и голова без глаз, рта и ушей. Этот рисунок точно повторяет особенности, присущие традиционным матерчатым куклам коми.

В известном смысле безликость куклы соотносилась, по-видимому, с представлениями о мире предков. Здесь уместно упомянуть об одном святочном обычае коми: ряженые, изображая покойника, закрывали лицо белыми платками или марлей, а сверху одевали на голову цветной платок, который завязывали под подбородком. Показательно в этом отношении замечание одного хантыйского информанта, наблюдавшего за тем, как его дочь шила безликую тряпичную куклу: "Странно, что во всех играх эти куклы всегда спят..." (известно, что сон является метафорой "временной" смерти).

Антропоморфные деревянные изображения духов-хранителей у хантов, напротив, всегда наделяются чертами лица (фото 8). При этом рот, глаза и уши вырезаются в последнюю очередь в ходе изготовления онгона [20, с.17-18]. Эта символическая операция предшествует ритуальному оживлению духа-хранителя (ср.: современные дети, рисуя изображение человека, как правило, лишь в последнюю очередь обозначают черты лица). По традиционным представлениям народов Сибири именно через рот, нос, глаза и уши духи-покровители и духи-помощники вселяются в свои изображения или непосредственно в своих избранников [10, с.81]. По традиции, характерной для хантов, чертами лица наделяются и металлические изображения душ умерших – ИГТЕРМА. Однако эти металлические фигурки хранятся внутри безликих тряпичных кукол, которые называются "вместилищем души умершего" (фото 9)¹.

Имеются, таким образом, достаточные основания полагать, что процедура вырезания черт лица у антропоморфного картофельного человечка могла восприниматься в качестве игрового акта его оживления, предшествующего и как бы акцентирующего последующее умерщвление и захоронение куклы. Показательно, что впоследствии дети никогда больше не играли "похороненными" (т. е. прошедшими через ритуал оживления) куклами.

¹Полевые материалы авторов(с.Усть-Войкар, Шурышкарский р-н, Тюменская обл.)

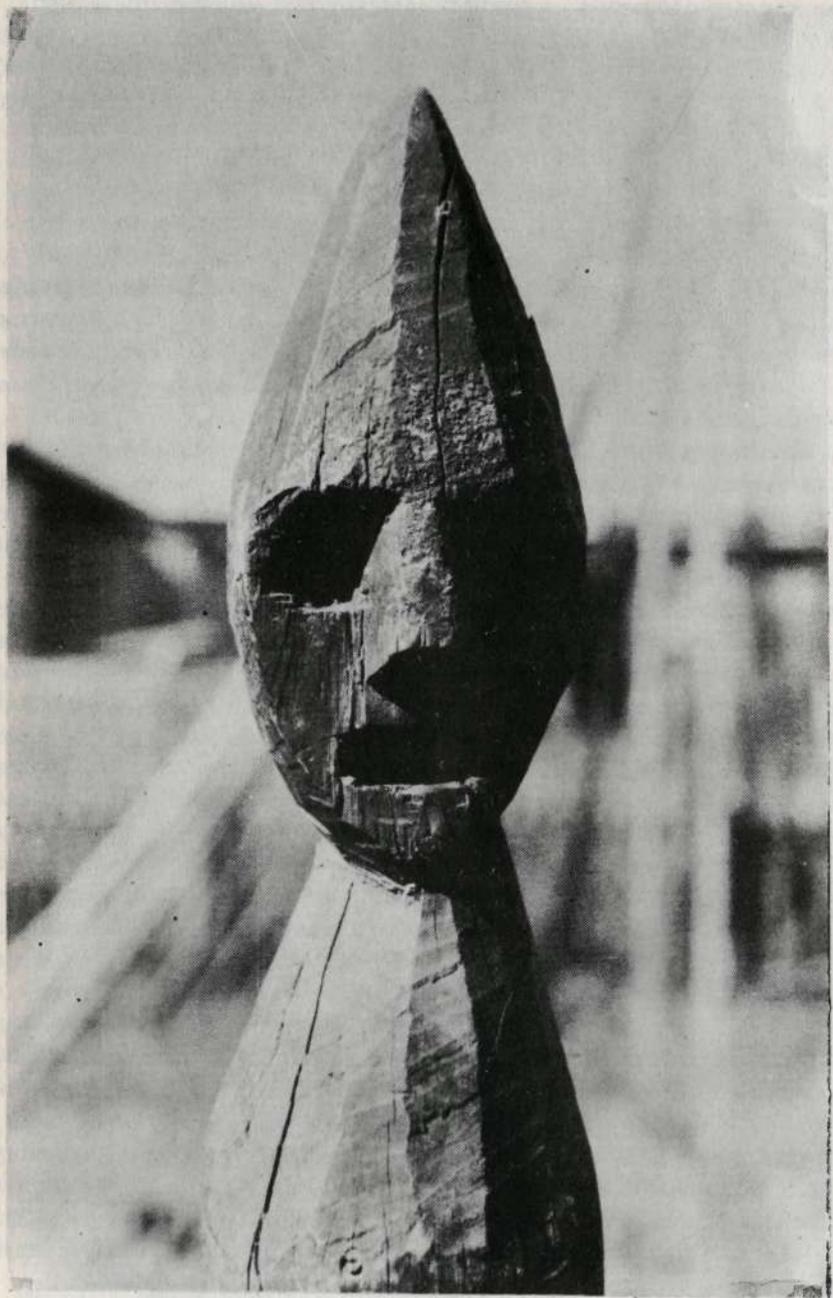

Рис.8. Родовой онгон семьи Яприных (ханты). Село Мужы, Шурышкарский район, Тюменская область.

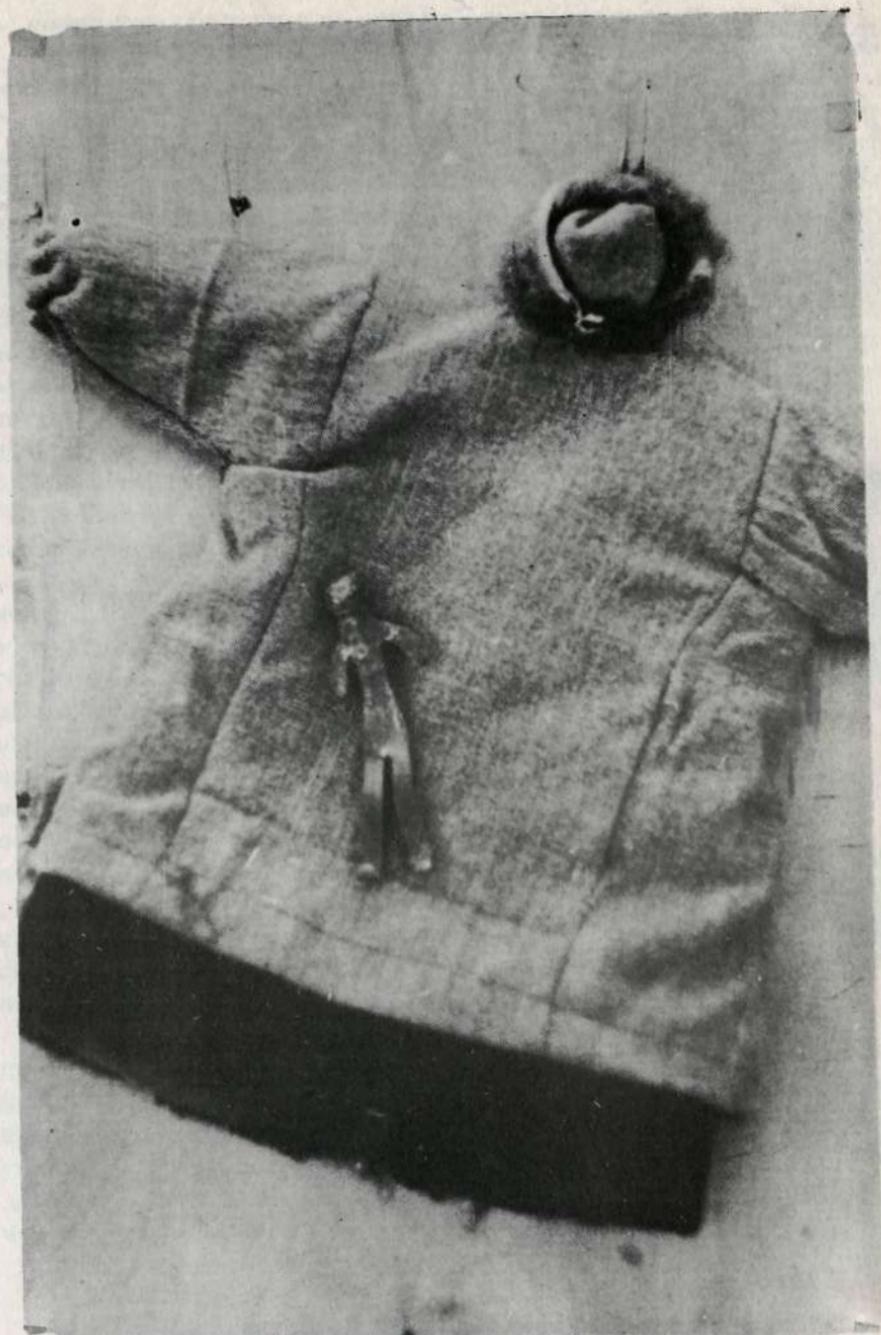

Рис.9. ИТТЕРМА – вместилище души умершего человека (ханты). Село Усть-Войкар, Шурышкарский район, Тюменская область.

Таким образом, через нарушение запрета на символическое оживление куклы дети воспроизводили в игре мифологему появления Смерти – завершающего акта Первотворения, который проецировался на представления о жизненном цикле.

СТРАХ СМЕРТИ В ИГРЕ

Следующей ступенью, (по степени эмоционального переживания) на пути приобщения к тайне Смерти, можно назвать стремление испытать ее дыхание на собственном опыте. Оно осуществлялось через непосредственное переживание смерти в ходе игрового уподобления самих себя безликим куклам.

Вплоть до 30-40-х гг. в селениях по Сыsole и Вашке была распространена игра, которую условно можно назвать "сюн" (синяя глина). Она проходила на берегах рек и озер. Дети добывали в прибрежных отложениях специальную синюю или голубую глину и, смочив ее в воде, покрывали глиняной корочкой свои тела.

Анализ коми фольклорных и этнографических данных показывает, что в символических цветовых классификациях "синий", как правило, входит в отрицательный ряд. Так, например, коми-пермяки верили, что "колдуны", общавшиеся якобы с нечистой силой – лешим, "ездили к нему только на синем коне" [3, с.81]. Словосочетанием "сюн чери" – (синяя рыба) в коми языке обозначается "вид мелкой несъедобной рыбы из породы миноговых" [6, с.664]. С "синим", по-видимому, связывались прямо или косвенно такие понятия, как "холод", "север", "окочение" и "смерть". Реальные физиологические процессы актуализируют употребление такой характеристики покойника как "синий". Любопытно, что прибрежная глина синеватого цвета (сюн) имеет неприятный запах сгнившей органики, в отличие от прибрежной глины красного цвета (сёй), которая не имеет специфического запаха и обладает несколько сладковатым привкусом (ср.: одно из названий этой глины – "чöскыд сёй", т.е. сладкая или съедобная глина). В условиях голода 20-30-х гг. на территории Коми края зафиксированы случаи массового употребления в пищу красной глины. По свидетельствам пожилых информантов в прошлом "чöскыд сёй" нередко заменяла детям сладости. Показательно использование красной глины и в народной медицине коми, где она применялась в качестве магического средства для снятия боли. В уменьшительно-ласкательных обращениях коми к младенцу – "сёй палу" (глиняная вульва), "сёй мошня" (глиняная мошонка), а также в шутливых обращениях к человеку, который легко поддается

чьему-либо влиянию – "сёй морт" (глиняный человек), "сёй монь" (глиняная сноха) – угадывается универсальный для многих народов мифологический сюжет о творении Первочеловека из глины. Таким образом можно предположить, что в традиционном мировоззрении коми символическое противопоставление красной и синей глины соответствует антитезе "жизнь – смерть". Можно также полагать, что смысл игрового перевоплощения детей заключался в уподоблении "синим покойникам". Эта гипотеза учитывает и пространственную локализацию игры. В многочисленных исследованиях показано, что река в традиционных верованиях выступала и как символическая граница между мирами, и как дорога в "иной мир".

Другой вариант "игры в покойника" был известен в прошлом в с. Читаево Прилузского района. Несколько девочек и мальчиков 7-11 лет собирались поздней весной или ранним летом на лугу вблизи села. По жребью или считалке определяли водящего, которому предстояло выполнять роль умершего. Весьма любопытно, что (по словам информантов) ребят, "желавших исполнять эту роль, всегда было немало".

Мнимый покойник ложился на землю, а все остальные рвали молодую траву и укрывали ею "тело". При этом плакали и причитали: "Почему ты нас оставил?", "Почему ушел от нас?", "Вернись обратно".

Здесь уместна типологическая параллель с ритуальными действиями, совершаемыми над умершим в летнее время у удорских коми – обнаженное тело покойного с ног до головы покрывалось свежими листьями крапивы¹. Памятуя о реальных бактерицидных свойствах крапивы следует подчеркнуть и символический аспект этих действий – с древнейших времен во многих культурных традициях зеленый цвет считался символом воскресения [5, с.54]. Показателен в этой связи и текст одного из народных преданий "О страстях Господних": "...Распяли Его на кресте леванитовом, прибавали Его по пятам и ладоням гвоздями железными, одевали в рубашку зеленую из зеленой крапивы..." [16, с.29].

Когда трава в ходе игры полностью покрывала "покойного", проносилось поминальное слово, а затем играющие, как-бы забыв о недавних похоронах, переходили к разговорам на интересующие их темы. Тем временем покойник резко и неожиданно поднимался и бросался в погоню за разбегающимися игроками. Тот до кого он дотрагивался рукой, становился водящим и игра начиналась

¹Записано со слов Е.М.Вурдовой (г.р. 1960, с.Кучмозерье, Удорский район, Республика Коми).

вновь. Таким образом мотив "умирания" в этой игре дополняется и отчасти преодолевается мотивом "возрождения", характерным и для других форм традиционного досуга.

Традиционный репертуар развлечений коми детей включал и некоторые другие игры, в которых прямо или косвенно присутствовала тема смерти. Возможно, подобные игры, с одной стороны, давали детям испытать чувство страха, потребность в котором относится к числу фундаментальных особенностей человеческой психики. С другой стороны, игровой "контакт со смертью" мог служить своеобразным средством подготовки к загробному путешествию, мысль о котором никогда не покидает людей и которая, нередко, особенно остро переживается именно детьми.

ВЫВОДЫ

Таким образом детские игры со смертью, находившиеся под формальным запретом, обуславливались и как бы провоцировались мифопоэтической концепцией жизненного пути и символической половозрастной структурой сельского коллектива.

Можно полагать также, что репертуар и содержание рассмотренных игр, предполагающих своеобразный контакт с миром предков и царством смерти, свидетельствуют о том, что детские игры выступали в качестве одного из механизмов хранения и трансляции фундаментальных культурных ценностей, к которым в первую очередь относятся представления о мироздании, в символическом строении которого потусторонний мир занимает исключительно важное место.

Игры, в которых фигурировал образ смерти, влияли, по-видимому, на динамику психологических состояний ребенка и вектор его духовного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошин М. Лики творчества. - Л., 1989.
2. Гуревич А.Я. Исторический синтез и Школа "Анналов". - М., 1993.
3. Грибова Л.С. Пермский звериный стиль. Проблемы семантики. - М., 1975.
4. Дукарт Н.И. Святочная обрядность коми конца XIX - начала XX веков. // Традиционная культура и быт народа коми. Сыктывкар, 1978.
5. Иванов В.В. Категория времени в искусстве и культуре XX века // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. Л., 1974.
6. Коми-русский словарь. - М., 1961.
7. Кон И.С. Этнография детства. Исторический очерк. // Этнография детства. - М., 1983.
8. Лотман Ю.М. Культура и взрыв. - М., 1992.
9. Лотман Ю.М. Куклы в системе культуры // Декоративное искусство СССР, 1978. - №2. - С. 36-37.

10.Мазин А.И. Традиционные верования и обряды эвенков-орочонов.- Новосибирск, 1984.

11.Мифы, предания, сказки хантов и манси. - М., 1990.

12.Налимов В.П. Материалы по этнографии зырян и пермяков// Suomalais-ucriläinen seura. 1. 1. 38. - P. 149.

13.Налимов В.П. К вопросу о первоначальных половых отношениях у зырян // Семья и социальная организация финно-угорских народов.- Сыктывкар, 1991.

14.Несанелис Д.А. Несколько замечаний о соотношении игры и этикета в традиционной культуре северной деревни // Устные и письменные традиции в духовной культуре севера: Межвуз. сб. науч. тр.- Сыктывкар, 1989.

15.Рейнсон-Правдин А.Н. Игра и игрушка у народов обского Севера // Советская этнография, 1949.- №3.

16.Ремизов А.М. Сочинения: В 2-х книгах. Кн.2.- М., 1993.

17.Сидоров А.С. Знахарство, колдовство и порча у народов коми. - Л., 1928.

18.Социальная педагогика.- Свердловск, 1989.

19.Тагер Е. Искусство и быт Севера// На Северной Двине. Сб. Архангельского общества краеведения. - Архангельск, 1924.

20.Sharapov V. Wooden plastic in the context of shamanistic world view of the Salym Khanty // Shamanism and performing arts. Budapest, 1993.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Игры со "смертью" в контексте традиционного мировоззрения	4
О ритуальном статусе детей	6
"Безликость" традиционных детских кукол	7
Страх смерти в игре	19
Выводы	21
Литература	21

Дмитрий Александрович Несанелис
Валерий Энгельсович Шарапов

ТЕМА СМЕРТИ В ТРАДИЦИОННЫХ ДЕТСКИХ ИГРАХ КОМИ

Редактор *О.П.Сыромолотова*
Техн.редактор *З.А.Поздеева*
Оператор *О.В.Колданова*

Лицензия №0015 от 27.12.93

Компьютерный набор. Подписано в печать 05.06.95. Формат 60 x 90 1/16.

Бум. типографская №1. Печать офсетная. Усл.печ.л. 1,5.

Уч.-изд.л. 1,27. Тираж 300. Заказ № **84**.

Участок оперативной полиграфии Коми научного центра УрО РАН.
167610, г.Сыктывкар, ул.Первомайская, 48.